

А. А. Блок

**Библиотека всемирной
литературы**

**Том 138. Стихотворения, Поэмы,
Театр**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б70

Б70 **Блок А.А.**
Библиотека всемирной литературы: Том 138. Стихотворения, Поэмы, Театр /
А. А. Блок – М.: Книга по Требованию, 2022. – 143 с.

ISBN 978-5-458-42623-7

В основу настоящего издания положены три книги "Стихотворений" (1918, 1921, 1922 гг. изданий) с наиболее известными произведениями А. А. Блока (1880 - 1921) - крупнейшего лирика, поэта - новатора, оказавшего большое влияние на развитие русской поэзии двадцатого века.

ISBN 978-5-458-42623-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Александр Блок рос на рубеже двух столетий, двух исторических эпох. В творчестве он отразил духовный кризис целого поколения с несравненной лирической искренностью и силой. Но сам поэт был не столько жертвой кризиса, сколько живым, действенным и революционным его преодолением.

Если это стало явным в 1917—1918 годах, то силы для преодоления накапливались в глубинах блоковского сознания, в его творческих поисках еще с 1905 года. В первые же дни после великого Октября Александр Блок был одним из первых и самых смелых русских интеллигентов, кто открыто и безоговорочно встал на сторону революционного народа, поверил в правоту большевиков и открыто об этом заявил. Он пошел на резкий разрыв с недавними единомышленниками, соратниками, сверстниками. Такую смелость ему диктовало сознание гражданского долга и совесть поэта-демократа. Ему был ясен мировой смысл пролетарской революции.

Только злобно предубежденные слепцы обвиняли Блока в измене либо предпочитали усматривать в его поведении невменяемость декадентского лирика.

Не однажды Блок утверждал органическое единство своего пути, его неизбежность. Заново собирая и редактируя три тома своей лирики, поэт настаивал на том, что они представляют собой единую трехчастную повесть:

Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.

И действительно, понять его по-настоящему, оценить его цельность, осознать органическое родство поэта Прекрасной Дамы с автором «Двенадцати» и «Скифов» можно только, следуя за Блоком по его пути.

В восьмидесятых — девяностых годах прошлого века, чуть в стороне от железной дороги, соединяющей Москву с Петербургом, в усадьбе деда с материнской стороны вырастал красивый ребенок, избалованный матерью и ее родными. Вырастал он без отца, потому что мать после года неудачного замужества вернулась с ним, грудным ребенком, обратно в девичью семью. История тяжелых семейных отношений и труднодостижимый облик родного отца когда-нибудь, гораздо позже, сделаются для него личной проблемой. А сейчас мальчик ни о чем не задумывается. Он растет в хорошем доме, в талантливой семье, среди обожающих его женщин. Семья дворянская, одна из самых интеллигентных в стране, отстой многих десятилетий культуры и достатка. Дед — знаменитый ученый-ботаник Бекетов. Бабка — трудолюбивая переводчица. В деревенском доме и книги в избытке, и музыка постоянно гостит, и никогда не кончаются споры обо всем, о чем только могут спорить русские люди. А за свежевывмытыми окнами — зеленый мир в клумбах ярких цветов, а еще дальше — дороги и проселки, поле и лес, холмы и овраги, милая с детства синяя даль, которая навсегда потом свяжется с первыми прочитанными сказками, будь то «Мертвая царевна» или «Кащей», «Иван-царевич» или «Снегурочка».

Так недалеко отступило в прошлое другое десятилетие, когда примерно в таком же деревенском доме вырастал под крылом у безмерно обожавшей его бабки другой русский демоненок, впоследствии ставший поручиком Тенгинского полка и гордостью русской поэзии. Две эти судьбы, Лермонтова и Блока, одинаково ушли в историю. Они кажутся сейчас соизмеримыми и родственными, как будто действительно стояли рядом в пространстве и времени.

Между тем время-то как раз было совсем другое.

Кончался девятнадцатый век. Вместе с ним кончилась дворянская Россия. Тургенев, Чехов, Бунин, каждый по-своему, зафиксировали прощание с нею. Сделал это и Александр Блок. Бывало его прощание с прошлым окрашено и элегически, но бывало и так, что оно превращалось в спокойно-сосредоточенное презрение, а то и в ярость. Ведь он был тем самым «поздним потомком», которого предвидел Лермонтов:

...прах паш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Все это пришло гораздо позже. Надо было прожить собственную жизнь, чтобы понять ее исторически, узнать в самом себе сына и внука отцов и дедов. Мысль об этом делается основной среди раздумий Блока. Сначала она приведет его к познанию родины, а потом заставит «всем сердцем, всем сознанием слушать революцию».

Здесь можно было бы рассказать о буднях классической гимназии, о тех или других прочитанных книгах, из коих одни прошли бесследно, а другие на всю жизнь врезались в память. О чем же еще? О двух-трех дружбах, о первой влюбленности, пережитой далеко от дома, на чужбине, в маленьком немецком городке, об университете с его филологическими дисциплинами, о декламации любимых стихов...

Единственное, что росло в нем, накапливаясь неподволь, заложенное самой природой и неизбежное в этом еще никому не ведомом душевном хозяйстве, было творчество. Стихи он начал писать с пяти лет. Это были обыкновенные детские, а потом отроческие пробы. Ничто не предвещало автора «Стихов о Прекрасной Даме».

Внезапно в подражательные строфы врывается звук — мысль о собственном предназначении:

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.

Факел действительно туманен. Идеал еще не назван. Вся жизнь, все ее беды и удачи впереди. Человеку девятнадцать лет. Таким он был на пороге нового века.

Настоящего поэта читает время. Каждый новый век читает его заново и утверждает по-своему свою связь с поэтом. Так произошло и происходит на наших глазах с Шекспиром, Данте, Гете. В отношении Пушкина и Лермонтова мы улавливаем то же самое, несмотря на сравнительную временную близость нашу к ним. То же самое происходит сейчас с Александром Блоком.

Его современники, особенно в кружке московских символистов, — Андрей Белый, Сергей Соловьев и другие, — прочли в ранних стихах Александра Блока, обращенных к Прекрасной Даме, одну только мистическую исповедь-молитву, утверждение Вечноженственного, потустороннего образа, выросшего на философской лирике Владимира Соловьева. Это было чтением той эпохи, восприятием, обусловленным и оправданным эпохой. Уже в самом таком восприятии коренились причины будущего разрыва Александра Блока с этой дружеской группой, — в частности, разрыва с Андреем Белым, «вражда-дружба» с которым так много значила в биографиях обоих поэтов.

С той поры прошло более шестидесяти лет. «Стихи о Прекрасной Даме» прочитаны заново.

Первая книга двадцатилетнего Александра Блока останется в русской поэзии как одна из самых напряженных лирических исповедей о юношеской любви к женщине. Стихи обращены к женщине, только к ней одной, только ради нее написаны. Один скажет: «Мимолетное виденье» или: «Гений чистой красоты», другой — «Дева, Заря, Купина».

Одному блеснут милые очи «пз-под таинственной холодной полумаски» на светском балу, другому — в сыром Петербурге, под рожком газового фонаря,— сущность от того не меняется. Тому, и другому, и третьему диктует юношеская страсть в минуту ее сверкающего подъема. В какие бы запредельные выси ни проецировал поэт свою любовь, вплоть до того, что «ты путям открыта млечным, скрыта в тучах грозových»,— все равно реальная подоплека скажется.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

Так прорвался живой человеческий голос. Он заявил о своем существовании с превосходным самообладанием и задором. Рогатки классической метрики, амфибрахии и ямбы сметены живой интонацией. Такого паузника еще не было в русской поэзии, хотя искали его многие, в их числе Лермонтов, Фет, старшие современники Блока. Вот откуда начинается свое летосчисление XX век в русской поэзии. Вот откуда вырос интонационный стих Маяковского.

Конечно, мистика Владимира Соловьева оказала серьезное влияние на молодого Блока. Конечно, он, может быть, слишком много читал, и весь склад его мышления был до крайности идеалистичен. Но в том-то и сила дарования, что оно жизненнее книжных истоков. Оно чревато будущим. В первых же стихотворениях Блока звучит не только сокрушающая искренность, но звучит и другое — предчувствие будущего, далеко идущего пути.

Прежде всего, явственна кровная связь автора с Россией, с русской стариной, фольклором, сказкой и песней:

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Повиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

«Тот берег» легко узнать. Это севернорусский пейзаж, может, чуть в стороне от железной дороги, но, право же, до него рукой подать. Картина одушевлена. В ней поселилась сказка. Когда-то такую же сказку рассказывала Арина Родионовна смуглому, кудрявому мальчику. Не раз уже отсюда, из этой светящейся точки, рождалась русская лирика.

Когда-нибудь он скажет: «О, Русь моя! Жена моя!» Был день, когда Россия, не названная по имени, была ему невестой: «Мой любимый, мой князь, мой жених»,— звала она своего певца из синей деревенской дали, с клеверных полей, над которыми в летний полдень звенит золотой шмель. Русская сказка рассыпана в первой книге Блока точнейшими приметами. О ней напоминает и крещенское гадание Светланы, и

Сирин и Гамаюн, и Голубиная книга с красными и золотыми заставками, на которую загляделась царевна. И с первых же строк мы прочтем:

Терем высок, и заря замерла ..

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Все это еле видные зародыши будущего. Все будет, все вернется к поэту в неузнаваемо выросших образах. Даже красное пламя разрастется когда-нибудь в «широкий и тихий пожар» над Куликовым полем, а то и в мировой пожар, «на горе всем буржуям».

Но пока еще безумно далек он от будущего. Как всякий юноша, он может только воскликнуть:

Будет день — и свершится великое.
Чую в будущем подвиг души.

Между тем будущее стоит у порога. Не только для него. Самые чуткие и смелые из его современников живут предчувствием надвигающихся событий, катастрофических и прекрасных. В эти самые дни Горький складывает свою «Песню о Буревестнике». Под сурдинку, глухо, но чем глуше, тем заразительнее для аудитории Художественного театра, перекидываются мечтательными репликами чеховские герои.

Россия жила у порога 1905 года. Чем дальше был Блок от жизни, тем с большей силой, тем искреннее и неожиданнее проснулось в нем не только так называемое сочувствие к революции, которое можно было поделить с тысячами обывателей, но и чувство кровной заинтересованности в происходящем.

Прекрасные стихи о Петербурге в дни восстания, о Медном всаднике, в руке которого заплесало факельное пламя, свидетельствовали о резком переломе в душе поэта. В его сознание ворвались неожиданные стихии. Не смирением и не растерянностью, но поспыльным прозрением в смысл происходящего продиктованы эти слова:

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!

Революция 1905 года значительна для Блока не только своим непосредственным отражением. Впервые в его стихах зазвучал раскованный голос — голос человека, который может выйти на трибуну, на площадь. Пускай не все им сказанное будет услышано и понято. Важно, что он обращается к большому человеческому сонму, к обществу, к современникам, к согражданам:

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь,—
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Такой речи у Блока до этого не было. Сегодня она звучит как привет будущему — привет, обращенный к нам.

Годы реакции были годами окончательного возмужания и зрелости для Блока. Юношеские сны стихов о Прекрасной Даме и взрыв творческих сил в 1905 году остались далеко позади. Среда сперстников, казавшаяся ранее безоговорочно близкой, распалась. Блок обратился к театру.

Начало блоковской драматургии положено «Балаганчиком». Его ближайшие друзья и единомышленники были крайне возмущены и шокированы этим произведением, оно показалось им изменой, чуть ли не кощунственной. Они смотрели на эту неприглядную пьесу слишком серьезно, отсюда их страстная и пристрастная полемика, почти сектантская настороженность. Между тем сам по себе «Балаганчик» — бесхитростная, традиционная для молодого романтизма сценическая игра. В бесшабашной ее бестолочи, в настойчиво повторяющемся нарушении иллюзии, во вмешательстве автора (который и рассматривает себя как простака и неудачника) — во всей этой наивной атмосфере карнавальной шутки совершенно незачем подозревать нечто большее, более серьезное и глубокое, нежели ее сверкающая поверхность.

По отношению же к развитию самого поэта «Балаганчик» важен как своего рода *катарсис* — освобождение, выздоровление, отрезвление... Это признак здоровья художника, его самообладания. У Блока проснулась не только ирония по собственному адресу, но и вполне естественный юмор молодого и сильного существа, разглядевшего свой мир со стороны.

Сложнее обстоит дело со второй пьесой Блока, с «Незнакомкой». Этот прихотливый и неожиданный сплав одинокой лирической стихии, которая в нетронуто-трепетном мерцающем освещении перенесена на сцену — с еще более острой, чем в «Балаганчике», почти ожесточенной иронией, включавшей в себя элементы сатирического гротеска, если не карикатуры.

Значительно позже, уже после Октября, Блок писал: «Когда мы перечитываем теперь «Дон Карлоса» Шиллера, мы поражаемся величиной архитектуры, тем многообразием замыслов, тем, идей, которые так свободно и спокойно вместил Шиллер в одну трагедию. Элементы исторической науки, искусства, музыки, живописи — все налицо в одной трагедии... Какое же творческое спокойствие, какой творческий досуг, какая насыщенная музыкой атмосфера окружала Шиллера!»¹ Несмотря

¹ Александр Блок, Собрание сочинений в восьми томах, т. 6, М.—Л. 1962, стр. 100. (В дальнейшем ссылки на это издание приводятся непосредственно в тексте указанием тома и страницы.)

на то, что Блок противопоставляет здесь «доброе, старое» время европейского гуманизма своей эпохе и говорит о крушении гуманизма, все же эта характеристика во многом относится к нему самому в пору создания «Розы и Креста», да и к самому произведению, сложному и паразитично богатому. В этой драме все доросло, закрепилося, нашло форму и язык, стало рельефно живописным. Этому помогает историзм пьесы, ее социальный фон. Все прочно стоит на земле: и феодальный замок с его обитателями среднего роста, и бушующие вокруг замка кровавые события, и точно обозначенные место и время действия. Особенно помогают живые образы всех действующих лиц, за одним исключением: Гаэтан намеренно и нарочито оставлен в некоей туманной отдаленности. Но и этот образ не колеблет реализма общей картины, скорее подчеркивает ее осязаемую плотность. Повторяю — здесь Блок окончательно созрел и возмужал как художник и человек.

Между тем шли годы, решающие в жизни человека. Блок уже не только поэт, но и публицист, упрямый мыслитель, историк, исследователь. Он стоит перед всем многообразием жизни, жадно глотает множество книг, путешествует по западным странам, вглядывается в памятники мирового искусства и в перекошенные лица городской толпы в европейских городах. Ему есть что сказать людям. Это широкие обобщения, думы о прошлом и будущем человечества. Это горькие думы. Блок ни от чего не зарекается, ни от какого знания, ни от какого вывода.

Так складывается мировоззрение писателя, цельное и органическое. Впоследствии Блок назвал его трагическим. «Оптимизм вообще, — писал он, — несложное и небогатое миросозерцание, обыкновенно исключаящее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с трагическим миросозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира» (6, 105).

В чем же существо трагического миросозерцания? Продолжая мысль Блока, надо сказать, что оно прежде всего *диалектично*, полностью открыто конфликтам и противоречиям жизни. Задача художника — разглядеть и понять жизнь в борьбе ее противоположных сил, в вечном потоке движения. Нетрудно увидеть, что мечта Блока о таком цельном мировоззрении достаточно близка нам сегодня.

Основной, центральный узел блоковских раздумий — там, где соприкасаются поэзия и жизнь, личность и общество, сегодняшний день и вся история:

Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?..

Сюда тянутся тугие провода его публицистических выступлений. Разрыв между интеллигенцией и народом, грандиозная, веками накопленная вражда между культурой и стихией,— эти проблемы поставлены в статьях Блока с угловатой резкостью, которая не терпит смягчающих формулировок. Блоку нужны ответы окончательные, прямые, честные.

Над всеми «проклятыми» вопросами — пронзительная тоска, пронзительная любовь к России. Если в ранних стихах она звучала в подголосках оркестра, во внезапно набегающей волне, которая заставит вспомнить слышанную когда-то песню, то сейчас, в зрелом творчестве, она прорвалась как лейтмотив, троекратно возвещенная трубами, прокатилась в скрипичном хоре, и снова и снова возникает и повторяется в новых модуляциях ритма,— торжественная, упрямая, требовательная.

Это Россия его мечты, такая, какой она должна быть, загаданная в былинах и сказках, «где разноликие народы, из края в край, из дола в дол ведут ночные хороводы под заревом горящих сел». Далекая старина и самая близкая современность стоят рядом. Блок сам еще не знает, что перед ним: «стан половецкий и татарская буйная крепь», как было в дни «Слова о полку Игореве», или картина капиталистической, фабричной России — «многоярусный корпус завода, города из рабочих лагун»? Снова и снова стоит он лицом к лицу с вековой историей страны, с ее необъятным пространством: «Знала ли что? Или в бога ты верила? Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, да Меря намерила гатей, дорог да столбов верстовых...» Снова в русской поэзии воскрес заклинаящий, обращенный к будущему голос: «У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух...»

Недаром Блок связывал свое постижение России с тем, что прочел у Гоголя.

Как будто прост и однозначен сюжет поэмы «Возмездие», тесно переплетенный с биографией самого Блока, с отношениями его отца и матери, особенно с личностью отца. Да, это «коротенький обрывок рода — два-три звена» в смене человеческих поколений, семейная хроника, дифференциал истории. Но на этом маленьком плацдарме дан бой русской и мировой истории. «Дроби, мой гневный ямб, камня!» — это восклицание завершает вступление в поэму. Гневному ямбу предстоит понять, «как зреет гнев в сердцах, и с гневом — юность и свобода, как в каждом дышит дух народа», — словом, перед Блоком задача поэзии высокого стиля, больших обобщений, задача эпоса. Блок неясно различает очертания будущего создания «сквозь магический кристалл». Он пробует себя, нащупывает метод.

С первых же строк открывается многообещающая перспектива:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобой в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!..

Перспектива не обманывает. Девятнадцатый век — всего только предполье для других, более яростных битв.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла...

...И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

В поэме возникают петербургские квартиры конца века, улицы и площади, полные народу в дни возвращения армии после русско-турецкой кампании, конспиративные сходки народовольцев, Достоевский в салоне петербургской дамы. И дальше и дальше идет повествование: глухие годы победоносцевской реакции, начало нового века, когда

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

Поэма была встречена холодно, если не враждебно. Вяч. Иванов видел «разложение, распад, как результат богоотступничества... преступление и гибель в этой поэме»¹. Как видно, корни того разрыва, который произошел между Блоком и его средой после Октября, — это очень глубокие корни, они обусловлены всем путем автора «Двенадцати» и «Скифов».

Поэма «Возмездие» осталась незаконченной. Мы читаем теперь ее фрагменты — пролог, первую главу, вступление ко второй, большую часть третьей да еще несколько стихотворных отрывков и прозаических планов. Из этого, конечно, следует, что Блок не нашел для своего замысла окончательного воплощения, хотя и возвращался к работе не однажды, но уже совсем в другие времена: предисловие к впервые издаваемой третьей главе написано в 1919 году, а последние стихотворные отрывки датированы 1921, то есть годом смерти поэта.

Главная мысль его ясна. Это мысль историческая. И судьбу своего отца, и собственную судьбу он пытался понять и определить исторически. Сквозь туман гадательных предположений перед Блоком брезжили простые догадки, простые выводы — о разложении дворянской культуры,

¹ Сергей Городецкий, Воспоминания об Александре Блоке. — Журн. «Печать и революция», М. 1922, № 1, стр. 86.

о распаде социальной среды, к которой он принадлежал. Все яснее росло в нем сознание классового отщепенства. Все глубже чувствовал он, что его отщепенство обусловлено всем ходом русской истории.

Какой же была при этом личная жизнь? Отнюдь не светла и не безоблачна. В ней было в избытке все, что полагается на долю страстного и грешного человека. Жизнь Александра Блока — это жизнь интеллигентного пролетария, юность, потерянная «в кабаках, в переулках, в извивах, в электрическом сне наяву», открытая для всех соблазнов ночного города. «Отчаяние и злоба» господствуют в блоковской лирике того времени. Между тем его мастерство становится совершенным инструментом, виртуозный ритм отточен для передачи ресторанно-демонического колорита, для цыганщины. Уже сказано: «Как тяжело мертвецу среди людей живым и страстным притвориться!» Уже написаны самые лучшие и выразительные стихи. Уже разучивают их наизусть. Уже прозвучала классика итальянского цикла. Александр Блок — самый популярный, самый любимый из поэтов эпохи. У него много подражателей, вплоть до дешевой эстрады. Но чем разухабистее распевает улица песенку, сочиненную «под Блока», тем мрачнее, собраннее и строже становится он сам, судорожно сжимая в нескольких четверостишиях свои горькие думы.

В чем же состояло оно, это совершенство зрелого Александра Блока, так волшебное действовавшее на современников, — да что на современников, разве его не хватило на прошедшие с той поры пятьдесят с лишним лет! Так в чем же оно?

...Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

...Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

К кому и куда обращены эти заклинающие сетования? Той или другой женщине, с возможностью по документам восстановить имя — отчество — фамилию — домашний адрес? Поистине, дело обстоит совсем по-другому!

Речь идет о первоисточнике поэтического вдохновения — или еще шире: о первоисточнике юношеской радости жизни, таком чистом когда-то и таком замутненном сейчас. Первая цитата взята из стихотворения «К Музе». Во второй речь идет о реальной женщине, у которой одна только примета — золотая прядь. Но речь идет о том же, о безвозвратном.